

Воздушные замки из розовых лепестков

Самый молодой кутюрье Парижа — Оливье Лапидус, выходец из отчего дома моды "Гэда Лапидуса", приехал в Москву с двумя своими самыми свежими коллекциями — новой "Haute couture" — весна-лето 1997 года и совсем новой "Prête-à-porter" — осень-зима 1997 года, ставшей мировой премьерой от господина Оливье Лапидуса. В течение двух вечеров поклонники практичного готового платья и туалетов высокой моды любовались красивыми творениями Лапидуса. Первый показ коллекций состоялся в царской усадьбе Царицыно, второй в стенах развлекательного комплекса "Метелица" (благодаря усилиям компании "Метелица продакшнз", фирмы "Мартини-баккарди", модельного агентства "Фэйн Фэшнз" и при информационной поддержке радиостанции "Серебряный дождь").

Лапидус младший придумывает свои туалеты, в совершенстве овладев капризными законами профессии — старой, как мир. То есть Лапидус, так же, как все художники-модельеры, ходит по лезвию мысли, стараясь превратить несуществу-

дружбы между тканями, если ему нужно путем их соединения вывести странный голубовато-серебристый образ-цвет, окутывающий манекенщицу. Он знает толк в оптических обманах и не брезгует ими. За его нежность женщины простят и лукавство.

— Я не люблю конкретностей, — говорит мэтр, — мне не нравятся буквально прочитанные определения. Я также против безапелляционности и односторонности. Все это лишает предмет страсти загадки, не дает ей сделаться мифом.

— Это вы о профессии? Или о женщинах?

— Я позволяю себе смешать два этих понятия.

Возможно, он опять лукавит. Ибо внегласно все же именно женщину возводит во

главу угла. Во главу бытия. И поклоняется ей как самый страстный любовник и умеет околдовывать не хуже Дон Гуана.

Оливье Лапидус в жизни в меру демократичен. Он разрешает женщинам ходить и в юбках, и в брюках, поэтому непонятно, какие из его творений "прет-а-порте" им больше к лицу. Что возбуждает мужчину сильнее прежнего — юбка или брюки? Боюсь, сам возбуждающийся не

ющее в осязаемое. Материя, из которой простой смертный строит воздушные замки, в руках модельера становится реальностью, которую в буквальном смысле слова можно потрогать. Впрочем, именно по этим сложно формулируемым принципам и работают модельеры всего мира. Разница между ними — в единственном. Они не должны напоминать друг друга. Разница возводится в принцип. Становится необходимым условием работы. Оливье Лапидус дисциплинированно соблюдает это условие. И не напоминает никого. Однако несмотря на невозможность и ненужность сравнения одного художника с другим, Лапидус уверенно претендует на статус моднейшего среди равных модельера эпохи. Конечно, многим по-прежнему милее старый добрый Карден, избегающий откровенного модерна и пленяющий своей верностью традициям. Лапидуса традиции интересуют меньше. Вообще-то они нужны ему, но как база данных, благодаря которой можно вольно и смело экспериментировать над податливым пространством высокой моды.

Он не дерзкий авангардист, гораздо меньший, чем, скажем, буйный Лагерфельд. Он, пожалуй, строг. Хотя жесткость лаконичных определений по отношению к тому, что делает Лапидус, выглядит необоснованной. Тут требуются эпитеты — полутона. Он не столько строг, сколько последователен в выборе цветов. Он вряд ли станет мешать черное и красное. Лапидус скорее лирик, который с большой готовностью смешает несколько серых цветов разных тканей, доселе никем несмешиваемых (в этом, пожалуй, он может показаться чересчур дерзким, ибо, по определению, шелк не дружит с шерстью).

Лапидус придумывает новые законы

даст точного ответа. Ни юбка, ни брюки, а то, что с такой тщательностью Оливье Лапидус скрывает под тонкой материей. Он не поклонник гласности. Он справедливо считает: при желании воображение дорисует ему необходимое. К чему облегчать мужчине задачу? Зная не понаслышке о том, что братьев по полу, скрытое прельщает куда больше выставленного напоказ, спешит облегчить их участь и не дает разочарованию выплеснуться наружу.

Оливье Лапидус считает: нет смысла открывать колени, отказывая в заветных для женского сердца откровенных мини, и в этом своем решении внезапно превосходит Кардена, который не без удовольствия кроит для своих дам юбки с подолом разной длины — сзади до пола, зато спереди выше колена.

Линии даже самых пышных туалетов Оливье Лапидуса отличаются скромностью. Два этих непримиримых качества воркуют друг с другом в коллекции молодого кутюрье. И то одному отдается предпочтение, то другому. Столь очевидная гармония враждующих начал и есть его новаторство в моде. Его открытие. Его маленький красивый островок.

Еще Оливье Лапидус любит розовые цвета. И розы пастельных тонов. Не боясь обвинения в претенциозности, он вкалывает и вплетает цветы в длинные волосы манекенщиц (и кажется, выступает против коротких стрижек), осыпая дорожку подиума розовыми лепестками. И одевает манекенщиц в ярко красные вечерние туалеты с оголенной спиной, уходя от милой сердцу романтичности в нечто более яркое, чувственное и, возможно, роковое.

Впрочем, рожденные Лапидусом образы нисколько не похожи на Кармен и, если здесь вообще необходимы сравнения, то лучше обратиться к сказкам Шарля Перо. Я не вспомню, к каким именно, и полагаю, дело не в этом. Дело лишь в ощущениях. А они походят на сказочные или на что-то, давно не вспоминавшееся. Сам Лапидус не склонен к ностальгии, его не трогают ароматы прошлого, когда он берedit в нас что-то полузабытое, это скорее продукт нашего собственного ума, вступающего в контакт с искусством. Оливье Лапидус еще слишком молод, чтобы тосковать о прошлом. Грезы, окутывающие его женщин, даже не из области настоящего, вернее, из будущего.

Взгляд Оливье Лапидуса устремлен в то, что еще не наступило. Он пытается это приблизить. Иными словами, ему интересна юность завтрашнего дня. Кутюрье полагает, если его поклонницы разделят с ним его интересы, их юность будет долгой.

— Во всяком случае я постараюсь сделать их юность именно таковой.

— По-моему превозносить юность — вещь достаточно банальная. В конце концов, ну, кто не знает, что это самый лучший возраст на свете!

— Вы не совсем правы. Конечно, юность — это юность. Она и так хороша. Она хороша и нагая, между прочим. Так что вроде и незачем подбирать к ней покровы. Но ведь никто не может запретить делать прекрасное еще более прекрасным. Никто не может запретить сражаться со стереотипами, доказывая, что о прекрасном нужно напоминать ежедневно. Иначе оно станет забываться. Или увянет. Садовую розу нужно поливать, иначе она не распустится. Поэтому я не устаю работать с юностью. Вы говорите, что волшебство — одно из достоинств моих работ?

— Я сказала не "волшебство", а "сказочность". Но это не конкретное ощущение. Какая-то флюида, какая-то энергетическая волна.

— Это просто-напросто веяние юности. Мне кажется, я сумел материализовать ее дыхание.

Натэла МЕСХИ

- Коллекция "готового платья" в стенах оперного дома (Царицыно)
- Новобрачные: венец представления — Оливье и Яра Лапидус в свадебном платье, сшитом мужскими руками
- Шлейф из лепестков

экран и сцена.
— С. В.